

Виктор Альбет

ПОЭТУС

Рифмы разных лет

Виктор Альбет

Поэтус. Рифмы разных лет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28062275

ISBN 9785449009678

Аннотация

Путешествуя по миру и по музыке, рождаю поэзию внутри. Слагаются стихи, из них сборники, а из них история. Каждый пишет свою историю своими рифмами. Новый сборник – это симфония. Я дарю вам мои открытия, мои вероятные и невероятные моменты, картины стран. Вот о чем сборник «Поэтус».

Содержание

На перегоне	6
Око за око	8
Гимн Дон Жуанов	9
Овеваема прохладой	10
Следом	12
Тамга	14
Когда черт выходит на пенсию...	16
Круговорот любви в природе	18
Душа желает плотских удовольствий	19
И вечный путь...	21
Весенний скайп	23
Девять дней одного года	24
Поезд-беглец. Финал	26
Босфорские страдания	28
А ля Хайям	30
Ах, Высоцкий	32
Шаром покати	34
Горная	36
У Черного Горя	37
Час вокзала	39
Память Петербурга	41
И слава Богу	43
Последний звук	44

И снова в путь	46
Радуга – август	48
Белка	49
Не просто, а...	51
Заведи	53
Рано или поздно	55
Жужу на пляжу	56
Дом свиданий	57
Анталь – Я	59
Суета сует	61
Ненапрасный труд	63
Одинокий феромон	64
Оставь птицу	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Поэтус

Рифмы разных лет

Виктор Альбет

Редактор Элина Силантьева

Редактор Ксандра Силантье

© Виктор Альбет, 2017

ISBN 978-5-4490-0967-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На перегоне

Устав от иссушающих
страстей на перегоне,
Утратив смысл жизни всей
на перегоне,
Страдая качкой в переполненном вагоне,
Пью запах проплывающих степей
на перегоне.

И жизнь, и память, и любовь моя
на перегоне.
Конечной станции не вижу я
на перегоне.
В чем смысл участия в непрерывном марафоне?
И избегу ли липкой ностальгии я
на перегоне?

Летя сквозь день или ночную мгу
на перегоне,
Борясь с хандрою через не могу
на перегоне,
Оставив прошлого тенеты на перроне,
За дальним будущем отчаянно
бегу на перегоне.

Око за локо

Как же давно это было, да и когда началось?
Запах цветущих садов иль аромат Жожоба?
Женщина нервная с гривою светлых волос,
Ножкою топая, локон сбивает со лба.

Кто-то забыт, кто-то ушёл навсегда.
Строй поменялся, город расстроился, но
Ручка все та же и ножка все та же – да...
Локоном лишь око судьбы занавешено.

Гимн Дон Жуанов

И в реку дважды не войдёшь, и в душу.
И в женщину, и в радость, и в любовь.
И из любви, как из реки, на сушу,
Раз выбравшись, не окунёшься вновь.

Когда круговорот любви бесщётно
Нас новой страстью не тиранил бы,
По жизненным камням водоворотом
Нас не тащили б невода судьбы.

Изнанены, избиты, но живые,
Не меря кровь сердечных ран за кровь,
Мы женщину желаем как впервые,
И в каждой видим новую любовь.

Нас не страшат фортуны пируэты,
Размеренные чувства не для нас.
И где для нас закончится все это?
В раю, в аду? – Туда войдёшь лишь раз...

Овеваема прохладой

Как жила, так и живёшь:
День прошёл – и слава Богу.
Хоть предательская дрожь
Пробирает понемногу.

И с чего бы это вдруг?
Ведь, казалось бы, в достатке.
Мужа нет – есть дочь, есть внук,
И случайный секс украдкой.

Домострой не для тебя:
Вся в свободе, вся в движенье.
И Шанель, и Жожоба —
Ауры замороженье.

Отношения свои
С Господом, Аллахом, Буддой.
А грехи... ну, се ля ви...
От себя ведь не убудет...

Экстра-современна – нет.
Сверх-консервативна – вряд ли.
Лишь за окнами рассвет
Вопрошает: все ли так ли?

Но идущий мерно снег
Продолжает сердце гладить.
И ныряешь снова в бег,
Овеваема прохладой.

В заморозке сердце и
Автоматом продолжаешь
Провождения свои.
Разве как-нибудь оттаешь...

Следом

Ты понемногуходишь в возраст тот, когда
Один, другой знакомый, близкий, – все туда
Уходят, в ту страну, где месяцы, года
Значенья не имеют.

Воронки множатся вокруг тебя, и вот
Когда-то сложится участок пазла тот,
Что опрокинет твой небесный свод,
И место опустеет.

Там много тех, кто собственно не звал,
Но про себя, конечно, ожидал:
Пусть не столь рано, но уж коли взял
Его Всевышний, то пусть будет.

Сработает небесное реле,
Освободится место на земле
Тому, чей вид с печалью на челе
Заставит вспомнить... Да не обессудит

Пускай никто о том ни здесь, ни там.
Ведь рано или поздно будет нам,
Нам всем дано идти по тем следам,
Что так прилежно протоптали люди...

Тамга

Тамга: аул, тропа в ущелье, камень,
Вознёсшийся над кромкою воды.
Из глубины тысячелетий пламень
Пробился эдельвейсом молодым

Когда-то здесь шаманское камланье
К владыке гор небесных вознеслось.
И звуки переплавились в сиянье
Лавины снежной, молний горных гроз.

И Тенгри их энергию зеркально
Возвратом мигом утысячерил.
Разбил на части камень моментально
И письма НА части раздробил.

Вот так и жизнь: течет водоворотом
От ледников к далёким берегам.
Лишь камень вековым вопросом – вот он.
Куда нам плыть, куда идти, Тамга?

Мы знаком этим мечены навечно,
Тавром горячим солнечной дуги.
И взваливаем, уходя, на плечи
Кармическую ауру Тамги.

* Тамга – поселок в Киргизии на южном берегу Иссык-Куля у подножья Терской-Алатоо (Тянь-Шань). В 5 км выше по ущелью лежит расколотый камень с тантрическими письменами. Почитается киргизами как священное место.

Когда черт выходит на пенсию...

И когда я блаженно откинусь...
От стола. Да и просто уйду.
Я с коллегами быстренько скинусь
По любовному, скажем, труду.

Замутим мы в чистилище пьянку,
Пока не сортанули вконец.
Иль амброзии дернем, иль кьянти,
Разберёмся, кто Лев, кто Стрелец...

С шумом – громом, лихим сквернословьем
Бренну жизнь мы восславим, ей-ей.
Боже, знаешь, с какою любовью
Мы любили твоих дочерей!

Ты прости нас, как мы им прощали
Много всякого за красоту.
Плоть свою мы в трудах истощали,
Обнимая и эту, и ту...

Оцени же ты искренность нашу :
Не скрываем своих мы грехов.
Но Адам заварил эту кашу —
Вот и парься теперь за любовь!

* «Когда черт выходит на пенсию, он становится монахом.» – народная пословица.

Круговорот любви в природе

Круговорот любви в природе,
Любвеобильной, как всегда :
Я – ты – и далее, что, вроде,
И непричастно к нам – да, да...

А небо – разве птиц не любит?
А птицы – не исходят в нем
Любовью, той, что приголубит
Птенцов на ветке за окном?

Ее кто разгадает сети?
Причинно-следственную связь,
Как не познали за столетья,
Так не уловим и сейчас.

Одно лишь ясно – будь влюбленным,
Дари любовь всем и во всем.
И будет Космос благосклонным
И в этом мире, и в ином...

Душа желает плотских удовольствий

Душа желает плотских удовольствий.
Ей не хватает тела для себя.
Сперва разулыбается по-свойски
И загрустит: ну почему не я?

Ну почему лишь душу предлагаешь
И кожей обрасти не норовишь?
Не говоришь – возьми, что пожелаешь —
Лишь невесомым абрисом творишь

Надежду, что лежит себе во мраке
И в безжеланной темноте заснет.
И в безутешной времени клоаке
Так и утонет, а потом умрет.

Раз ты не знаешь тела позывные :
Флюиды, феромоны, аромат,
Ты не распробуешь плоды любви земные,
И не познаешь, Что есть рай, что – ад...

Коль не узнаешь сладостных терзаний,
Как можно рассуждать о рае том,
Что ограничивает древом знаний

Себя от тех, кто глуп и невесом?...

И вечный путь...

Сигары, кальяны и кафешантаны —
Зовущую пристань заблудшего люда,
Индийские пальмы, Парижа каштаны
Собирают заядлых бродяг отовсюду.

Какие бы тропы, шоссе и бульвары
Ни исколесили и ни истоптали,
Мы – вольные люди, ромалэ, клошары,
Из нитей дорог ленту жизни соткали.

Куда мы стремимся и что мы все ищем?
Бежим от себя, от людей и от мира?
И где обретем мы для разума пищу:
В работе, любви, философии, лире?

Ну разве в пути... Мы нигде автостопом
И с места не сдвинемся, только в дороге.
Что Азия нам, что старушка Европа,
Коль вечность пред нами стоит на пороге?!

Пусть к финишу ближе чуть-чуть захромаем
– Воспримем все это без горя и фальши.
Лишь транспорта вид в гараже поменяем
И в вечный свой путь в нем отправимся дальше...

Весенний скайп

Кто-то виден, кто-то – нет,
Монитор завис.
Через километры лет
Мост любви провис.

Два проема, два крыла.
Сердца тоже два.
Надо мною, как юла,
Кружатся слова.

Множат голоса акцент
Лужи за окном.
И со всех окрестных стен
Каплет метроном.

Тот, что плавно точит дни,
Грани света – тьмы
До пришествия весны
И конца зимы...

Девять дней одного года

на уход В.И.

Девять дней одного года.
Неприкаянная душа
В высь небесную ищет брода
И по кругу летит, спеша.

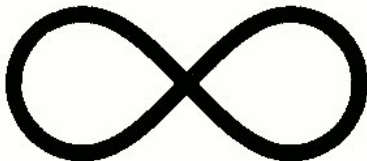
И к тому подлетит, и к этой.
– Погляди, ведь это же я...
Ведь не дале, как прошлым летом,
Нас носила та же земля.

Мы ходили по тем переулкам,
Что цвели непременно для нас.
И сердца наши бились так гулко
От случайно-нечаянных фраз.

А теперь – и промолвить нечем,
Нечем и приласкать, и обнять.
Предназначен уже и отмечен
Путь – дай Бог, чтобы в Благодать...

Не забудьте же все, что бывало,
Помяните за добрым столом.

И наполните снова бокалы
Этим вечно-пьянящим вином...

Поезд-беглец. Финал

Апофеозом злобы и добра
Летел, земли едва касаясь колесом.
И расступалась вечности дыра,
Ловившая его и тех, кто в нем.

Ошеломляющая шла метель,
Поземкой заметая колею.
И над Вселенной, как Эмманюэль,
Плыла надежда голой правдою.

Ну а любовь осталась позади,
В отцепленном вагоне навсегда.
Как брошенные на пол бигуди,
Как с ледников сошедшая вода.

В каком вагоне мы? Что впереди,
Где злом испепеляется добро?
Там, где сквозит отчаянье в груди,
Где ужас бьет наотмашь под ребро?

Нет, мы отстанем, мы не полетим.
Полет не каждый, что стремится вдаль.
Мы остановимся. Мы поглядим.
И сбросим с лика вечности вуаль!

* «Поезд-беглец» – фильм Андрея Кончаловского.
Настоятельно рекомендую.

Босфорские страдания

Побывал я как-то на Босфоре.
Вспомнить б что пикантное о нем.
Но... как Сережа, никакой лавстори:
Возвратился форменным пень-пнем.

Но гаремы Турции коварно
Отравили страждущую плоть.
Знали – даже и в ночи полярной
Мне своих страстей не побороть.

В сладостной стране, покрытой негой,
Где царят всемерно лень и кайф,
Тяготит малейший ритм бега,
Противопоказан всякий драйв.

Лишь прелестны девы Беларуси
Отвлекают, казалось бы, на миг,
Только лишь от сладких снов очнись я,
Заново проваливаюсь в них.

То ли белорусские болота,
То ли эта соль Памук-Кале,
Но никак не превозмочь дремоты,
Что укоренилась на челе.

Все заматано в Житейском море.
Все, что предназначено, но все ли?

Как Сережа с под Рязани что ли,
Предположим, замутишь застолье,
Что скоропалительно оставишь,
Не допив последнего бокала.

Разве что махнешь рукой устало :
Будя, ничего уж не поправишь.
Да и надо ли?...

А ля Хайям

Мы умножаем зло нечувствием добра.
А чувствует ли нас в ответ оно?
Мир держит равновесие – пора.
Бросай в него жемчужное зерно!

И прорастет, и возрастет оно
Сквозь толщу тел, сквозь толщу многих лет.
Как глубоко бы ни погребено,
Но вырвется в свой срок на этот свет

Тюльпаном, женщиной, что воплотит мечту,
Пребудет в мире, твой лаская взгляд.
Вдохнешь их аромат, познаешь красоту,
Перепылаешь чувствами стократ.

Улыбка волшебного лица,
Влеченье тел, от сердца к сердцу нить
Забиты на скрижалях у Творца —
Мы ничего не в силах изменить.

Мы вылепим из праха прошлых лет
Прекрасный и изысканный сосуд.
Вкусим нектар любви – нам дела нет,
Что о нас думают и что произнесут...

Ах, Высоцкий

Ах, Высоцкий, из прошлого в вечное дрон,
С предначертанного не собьёшься.
Беларусь и Россия, Украина вдогон.
Ну а с прочими – так разберёшься.

Иступление дня и ночей чертивье
Сжато-сковано словно цепями.
И враги и друзья, и рыжые и новье
– Только нимбов нет над головами.

Помесь фейса и рыла, змеи и свиньи
Заполняет экраны и души.
Для кого и стихи все и песни твои,
Раз в глазах непроглядные стужи?!

Ни зальёшь ни закуришь – заколешь тоску,
Что иссохла в телесной неволе.
Лишь гитарной удавкой затянешь строку
И забросишь в безбрежное поле.

Встань, как Феникс из пепла, из сердца аккорд
Нанижи на гитарные струны!
В бок обыденке блеклой, жесток и остер,
Стих вонзи, как заточенный тюнер!

Ах, Семеныч, тебе ли о нас горевать?!
Годы минут, а голос твой хриплый
Не исчезнет. Как водка, как... твою мать.
Как за честь и достоинство битва!

* 25 января 2017 г. исполнилось 79 лет Владимиру Семёновичу Высоцкому.

Шаром покати

Год ушёл Обезьяны
На двенадцать годков*.
Незакрытые раны,
И страданья, и кровь.

Дни и ночи Донбасса
И турецкий гамбит.
Леди Клинтон гримаса,
Трампа бравурный вид.

Олимпийское свинство.
Издевательство над
Пара-экс олимпийством —
Олимпийский закат.

Алеппийская битва,
Как надежда стране.
С моря – Пётр Великий
И спецназ на броне.

Враз события рванули,
Словно к финишу Болт.
Встретил смокингом пулю
Без охраны посол.

Поцелуй на прощанье
И огни вдалеке.
И предутренней ранью
Борт сорвался в пике.

Как шипы, так и розы,
Парадоксы любви.
Чьи-то метаморфозы
И ошибки свои.

Пусть Петух прогорланит,
Криком пусть разобьёт
Биллиард Обезьяны
На Зачёт – Незачёт...

* Согласно Китайскому календарю знаки животных повторяются через 12 лет.

* Не касался Брексита. Заболтают, если не похерят окончательно. Но... кто не хочет Брексит, получит Брейвика.

Горная

Тянь-Шань в туманной дымке на иллюзорном снимке
Божественною симкой в тебе запечатлен.

И груз забот немалый с печалью запоздалой
Тропой несёшь устало на перевал времён.

Сквозь пальцы миг сочится, минутами струится.
Неуловимой птицей года быстрее, быстрее...

Лишь незнакомка в тёмном, кого-то мне напомнив,
Протянет кубок томно: попробуй – не отпей!

У Черного Горя

Красно-огненный год обезьяны
Как огнём, так и кровью богат.
Лишь подсохли кровавые раны —
Над Синаем разверзшийся ад.

И вот снова – сполохи на небе
И над утренним морем прыжок
От оваций восторженных – в небыль,
За успеха и жизни порог.

Пируэты и пляски танцоров,
Музо-песенная благодать...
Все ушло. Голоса военкоров
Даже SOS не успели подать.

Лишь на фоне темнеющей скорби
Лай прозападной мрази подвис.
И как жвачку дешевую Орбит,
Укронаци свой подняли визг.

Не забудем Боженскую подлость,
Той, что Рыном не вышла на свет.
Не простим либеральную кодлу,
У которой Отечества нет.

Не добраться до Нового Года,
Где б Петух им подставил крыло.
Не вернуться бойцы из похода —
Водной гладью их заволкло.

Бросим в воду Забвения Моря,
В Море Черное бросим венок,
Где в прибрежном небесном просторе,
Словно свечка, погас огонёк...

Час вокзала

Зал ожидания.
Напрасный труд, напрасный знак.
Предрасставанья
Минутно-часовой затакт.

Усталый голос
В увядшей тишине засох.
И ни на волос
Не изменился наш итог.

С небес погода
Обрушилась нас развести,
Чтоб через годы
И пробки не переползти.

Холодный ветер
И рокотанье поездов.
И не заметил,
Как обнажается остов.

Устали нервы,
Озябший караул устал.
Это не первый
И не последний мой финал...

Память Петербурга

Зима. Санкт-Питер.
Снег заметает, лиходей
Мильоны литер
Домов, автобусов, людей.

Снежинок стаи
Проникли к самому нутру.
Предвосхищают
Петардовую мишуру.

Истосковались
По ночи невские мосты
И ввысь подняли
Ладони, чтоб её нести.

Во льду каналы,
Во сне до питерской весны,
В преддверье бала
Полётом звёзд озарены.

А помнишь, было:
Нева кружила и неслась.
И если лило,
То, на улыбке задержась,

Лишь омывало
Её и все вокруг неё
И повторяло
Любви и неги забытьё.

И вспомнишь ныне,
Через года, через снега,
Что не остынет
И не растает в берегах.

И слава Богу

Нет, я не гений, далеко не гений
Добра и зла, не Грозный не Иван.
Не сумрачный Онегин не Евгений
И не Фернанд, который Магеллан.

Смотрю себе в окно и наблюдаю:
Машины прут, толкаются, шипят.
И думаю, чего вам не хватает,
Что множите собой весь этот смрад?!

Гляжу, а мысль понемножку зреет:
Вот дерево – оно же не чурбан.
Оно живое, а вот вы, злодеи,
Воспитаны, как стадо обезьян,

Что травят газом божие творенья
И прячутся от Бога за стеклом.
Не гений, слава Богу, я не гений.
Иначе б всех вас сдал в металлолом...

Последний звук

Голос.

Возник он во мне и повис
Головой
На тоненькой ниточке вниз.

Зависает
На каком-то неведомом сне
Истекают
Его капли-минуты во мне.

Наступает,
Бездарен и безъязык,
Век товара,
Беспамятен и безлик.

Антитеза
Халявы и нищеты,
Чуть тверёзый,
Помесь свинства и суеты.

Истлевает
Эта ниточка, эта жизнь.
Извиваясь,
Держусь из последних шиз.

Молочу

Я ногами, тянусь наверх.

Иль втащусь,

Иль сорвусь в неизвестный век.

И снова в путь

Поезда, самолёты, авто и метро.
Белоснежные яхты, вдали корабли.
Мы и реки проплыли и горы прошли,
И не грех бы и остановиться порой.

Мы и землю утюжим и в небе кружим,
Но напрасно бежим от себя и любви.
А когда устаём, говорим «Се ля ви...».
Не настало ли время любви, пилигрим?

В ней не меньше загадок, не меньше шарад,
Затаённых глубин и небесных высот.
Тот, кто душу и сердце в кровь не обдерёт,
Не оценит восторга победный парад.

Но напрасно мы тешим надеждой себя.
Мы в толпе разлучимся и нас унесут
Те вагоны, что к станциям разным идут.
Там, где нас ожидает иная судьба...

Столько лет я вижу отраженье
Глаз твоих: не в Фейсе – на лице.
Бога вижу в них: в преображенье
Ты летишь на зависть РПЦ*...

Разве что метлы, как Маргарите,
Не хватает – крылья подберём.
Да костра – пусть в сердце разгорится
Да, в моем, но, может, и в твоём?

Как мне жить под занебесным звоном,
Что заколоколился внутри?
Уходя, оставь ключ от Вселенной.
А замок с собою заberi...

* РПЦ Российская Православная Церковь

Радуга – август

Лето ночью уходит. Мне снится опять
Радуга над твоей улыбкой.
Дождь вошёл своим шорохом в нежную прядь
И застыл там серебряной рыбкой.

Рыбка-рыбка, ко мне обратись золотой
И исполни желанья, молю я.
Заплыви только в невод, заброшенный мной,
– Вряд ли вырвешься без поцелуя.

Нимбом-радугой, налитой будто огнём,
Вслед за громом летишь над планетой.
Минет август – окажешься сентябрём,
Но останешься в памяти летом.

Белка

Шустрая белка хватает кусочек груши
И по стволу ели летит стремглав.
Вывесит на сучке его и засушит.
Ну а зимой найдёт его, оголодав.

Вот так и ты: сердце моё забрала
И утащила с собою, да где-то забыла.
После искала, а нет его: видно, упало,
Кто-то поднял – и только оно и было...

Милая белка, как пух, ты легка, но не птица,
Крутится жизнь не медленнее тебя.
Что ты найдёшь, что увидишь? Житейские спицы
Пахнут рутиной – уж лучше живи, любя.

Не просто, а...

Кто мы, что мы? Приемо-передатчик
Пространств, понятий и замшелых схем?
Как трубы, время подаёт укладчик
В траншею, вырытую неизвестно кем.

Или известно... По лекалам кармы
Бредём, нам кажется, что на авось.
И принимаем, как небесный дар мы
То, что сбылось, а может, не сбылось.

Лишь нелогичность – вот что нас отважит.
А кто её носители? – Любовь
И женщина – ну кто её предскажет,
И кто нас ввергнет в терпкой страсти новь?

Ужалит, как оса, и улетает.
И купидона бреющий полет
Спиралью тянется и нависает,
Истомой манит и с собой зовёт.

Поддайся, смертный. Истинная карма
Не та, что сверху, та – что впереди.
Там беззаботность, там законы шарма.
Освободи же сердце – и иди!

И будут тебе сладкие работы.
И та, чей блеск и стать бросают в дрожь,
Нальёт тебе стаканчик с приворотом
И подмигнёт: «Со мной не пропадёшь!»

Заведи

Заведи себе кошку,
Чтоб мурлыкала возле.
Царапнет понарошку
И заластится после.

Заведи себе птицу,
Например, попугая.
И пускай он резвится,
По хоромам летая.

Застрочит попугаем
То, что слышал когда-то.
То, что мы забываем,
А запомнить бы надо.

Заведи черепаху —
Перламутровый панцирь.
Пусть ползёт, как порхает, —
С черепаховой грацией.

Пошуршит разнотравьем
И затихнет в коробке.
Разве собранный гравий
Поцарапает робко.

Заведи себе друга.
Ну, положим, как я вот.
Пусть несёт его кругом
На совместную заводь.

Черепаша и птица,
И собака, и кошка
Пусть любовью делиться
Привыкают немножко.

А любовь – её много
На пути этом млечном.
Хватит всем – и надолго
В жизни, столь быстротечной.

Рано или поздно

Это мы ещё услышим: гром печальный, звон прощальный.

Занавеса вздох начальный – это мы ещё услышим.

Это мы ещё увидим: небо, сомкнутое в точку.

Запредельный миг воочью – это мы ещё увидим.

Это мы ещё посмотрим. Жизнью насладимся вдосталь.

Ну а доберёмся до ста – это мы ещё посмотрим...

Жужу на пляжу

Ах, эта женщина на пляже,
Та, что тревожит сердце мне!
Не формами своими даже,
А чем-то тайным в глубине.

Порода-формы, йога-танец
Слились в ней в дивный симбиоз.
Пред ней стою, как новобранец,
Как ВМ-200 без колёс.

Какие к черту Бэмсы-Мерсы! —
Тут крыша едет не спеша.
За крышею вдогонку сердце,
За ним, как водится – душа.

Или уж пусть русалка эта
В пучине скроется опять!
Тогда на жарком пляже этом
Мне не придётся погибать...

Дом свиданий

Этот дом столько видел любви,
Искушения столько он видел,
Что уже очертанья свои
Потерял, как ведомого лидер.

Укрывая любовников сонм,
Закрывал он и окна, и двери.
Погружался в горячечный сон,
Оставляя любовь на доверьи.

Расстегни – и откроется грудь.
Наклонись – и откроются губы.
И сливаются радость и грусть,
Как Инь-Янь, как Суккубы-Инкубы.

Ходуном заиграет софа,
Взбудоражит бесстрастные тени.
И её танцевальные па
Поглотят любопытные стены.

И как карточный домик почти,
Вальс-бостоном дозаворожённый,
Обессилев на жарком пути,
Он падёт, как оргазмом сражённый.

Успокойся – скандал не грозит:
Страсти кратки и рациональны.
Побуянил – и заново спит,
Как порядочный дом коммунальный...

Анталь – Я

Как ни печально, молодость ушла.
Уже и зрелость вроде на исходе.
И старость – хоть и незаметно вроде,
Но морщит понемногу зеркала.

Закручивается времени спираль,
Охватывающая брэнность бытия.
А что до песни, чей мотив – Анталь-
Я сомневаюсь, что она моя.

Скорее шестиструнный серафим
На перепутье изловил ее,
И по небу летящий пилигрим
Взял за основу нерва острие.

И полилась со скоростью мечты,
Сорвавшаяся с лайнера-крыла,
Мелодия, что не узнаешь ты,
Какой бы музыкальной ни была.

Турецкий берег виден вдалеке,
Уже начал снижение самолет.
И жизнь, с котомкой или налегке,
Но плавно на снижение идет.

Но будут еще взлет-посадка-взлет,
Анталья, и Гавана, и Париж.
И только с трапа двинешься вперед,
В дверях аэропорта ты стоишь...

Суета сует

Суета сует, маета мает.

Птицею во тьме светит силуэт.

Только прилетит, только заманит,

– Выдает судьба новый пируэт.

И змеей была, и грозой была,

И, потупив взор, за собой звала.

Но разбит бокал, утекло вино.

И ушла любовь, как и не была.

Трещиной стекло вдым заволокло,

Раненой судьбы болью заплело.

С ней в какие бы игры ни играй,

– Нулевой итог снова на табло.

Портит светлый лик Господин Жиллет,

Кроет Даму Пик козырной валет.

Колокол звенит под лавиной лет:

«Маета мает, суета сует...»

Ненапрасный труд

Не хочу уходить я из этого мира.
Пусть и давит, и бьет он сильнее и сильнее.
Пусть колючею проволокою порфира
Захлестнула и тянет в пространство теней.

Затихает порыв в глубине подсознания,
Где, как шпаги, скрестились пророков глаза.
И какой-то из них отрицающей дланью
Отправляет помилование назад.

Как платежной картой, наличность утратив,
Мы напрасно стараемся жизнь оплатить.
И на время пытаемся ставить заплаты,
Вдев в ушко неизвестности старую нить.

Что нас может свести со спирали железной?
Что нас вырвет из круга всезаданности?
Ни надежда, ни вера – они бесполезны.
Лишь любовь – и сведет, и сорвет, и простит...

Одинокий феромон

Одинокий феромон ищет шалого коллегу.
Пусть ему и невдомек, для чего весь этот бег.
Так и мы, как очертясь, мчим к похожему на Эго
И, лишь надышавшись властью, вздрогнем, как от крика
«брэк!»

Ах, любовь, безумец тот, кто, спокойствие оставив,
Устремляется вдогон всем резонам вопреки.
Как веселый мотылек, предающийся забаве,
Принимает за маяк пламя жизненной реки.

О, любовь, добро и зло на алтарь тебе приносим,
Саксофонный перелив и мечтательный аккорд.
И туманы, и дожди, летний зной, весну и осень,
Страсти силовой прием, сердце вдребезги о борт.

Одинокий гитарист подпевает феромону.
И мелодия любви отправляется в полет.
Эй ты, кто там, подходи, что стоишь замороженно?
Сердце на кон, и глядишь – ставка на любовь пройдет...

P.S. Стихотворение по размеру подходит на мелодию известной песни Визбора «Одинокий гитарист». Желающие могут проверить.

Оставь птицу

На каждый год приходит новая любовь.
Стою с опущенной главой на перепутье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.